

Цзян Лань, ещё не войдя в зал, заметил в толпе что-то блестящее, и его глаза сразу загорелись. Когда тот человек обернулся, Цзян Лань застыл, покраснел и опустил взгляд, не решаясь смотреть дальше. Вместо этого он взял Цюй Ляня за руку:

— Нин Гуанъи ругает кого-то? Пэй-гунцзы? Пэй-гунцзы тоже гомосексуал?

— Тоже? — Фан Сяовань поправила маску и бросила на него взгляд. — Пэй-гунцзы действительно таков, и это известно далеко за пределами нашего города. Ну, а его спутник — это тот, кто стоит рядом с ним.

В центре зала, на восточном кресле, сидел человек, который явно не считал себя гостем. Пэй Вэньюй держал в правой руке крышку чашки, сдувая чайную пену, и с удовольствием отхлёбывал напиток, излучая полное спокойствие. Тот, кого Фан Сяовань назвала «спутником», Юйвэнь Дао, стоял рядом с ним, как грозный страж, игнорируя ругань Нин Гуанъи. Однако никто не сомневался, что по одному лишь взгляду Пэй Вэньюя он мог бы обнажить меч и заставить Нин Гуанъи истечь кровью.

Нин Гуанъи был связан Путами Бессмертных, но он упрямо отказывался становиться на колени, сидя в нелепой позе посреди зала. Он не пил ни капли воды уже четыре-пять часов после того, как Ло Ин оглушил его, и держался лишь на ярости. Его губы потрескались, но он продолжал кричать, хотя, будучи выходцем из знатной семьи, не знал грубых слов и повторял одни и те же фразы.

— У тебя совсем нет фантазии, Нин-сы-гунцзы, — Пэй Вэньюй с отвращением сморщил брови и покачал головой. — Ты даже мечом владеешь плохо, в борделе пьёшь тонизирующее вино, свою жену защитить не можешь, а теперь ещё и подозреваешься в убийстве брата, чтобы доказать свою несостоятельность. Даже ругаться толком не умеешь, одни и те же слова повторяешь, мне уже надоело слушать.

Нин Гуанъи вытаращил глаза и заорал:

— У тебя есть доказательства?

Пэй Вэньюй лёгким движением руки показал записку, которую Цюй Лянь забрал у Чжу Вэньнин:

— Все в Усадьбе Нефритового Отражения говорят, что это твой почерк. Тебе стоит спросить себя, какие у тебя доказательства, что это не ты приказал Чжу Мэну?

— Чжу Мэн уже мёртв, его тело разлагается, Нин тоже мертва, как я могу доказать? Как я могу доказать?! — Нин Гуанъи отчаянно дёргался на полу. — Кто-то хочет меня погубить! Кто-то так тщательно всё спланировал, кто это, с такой злобой?!

Цзян Лань, плохо понимая происходящее, дёрнул Цюй Ляня за рукав:

— Но у него же есть Кольцо Заповедей? Разве оно не показывает, говорит ли он правду? Его кольцо всё это время не меняло цвет, неужели он тоже...?

Фан Сяовань уловила это «тоже» и слегка изменилась в лице.

Цюй Лянь положил руку на Цзян Ланя:

— Верно. Его кольцо точно что-то не так.

Он хотел спросить, кому следует обратиться, если кольцо не работает, и кого ждут в зале, но в этот момент лёгкий ветерок ворвался в помещение, и снаружи послышался звук колёс, словно ручей, текущий по снегу. Ло Ин повернулся, чтобы встретить гостя:

— Даже не сомневался, что позовут тебя.

Вошедший был одет в тёмную одежду с золотыми узорами фениксов, как и у Ло Ин и Цюй Ляня, а его серебряные волосы ниспадали до пояса. Увидев Цюй Ляня в одежде Обителя Застывших Вод, он слегка удивился, но затем улыбнулся.

Если Кольцо Заповедей Нин Гуанъи не работало, первым делом следовало обратиться в Зал Заповедей Дворца Облачных Небес, а чтобы выяснить, что именно произошло с кольцом, нужно было пригласить главу Павильона Эликсиров Ло Ина.

Павильон Эликсиров звучал как место для алхимии, но на самом деле это было не так. Дворец Облачных Небес разделялся на четыре ветви: Павильон Осенних Звуков отвечал за убийства, и хотя в девяти провинциях меч был главным оружием, все остальные виды оружия, включая кинжалы, молоты, копья, алебарды, плети, луки, арбалеты и даже серебряные иглы, которые использовал клан Чжу, относились к Павильону Осенних Звуков. Кроме того, Павильон, ведущий к небесам, занимался стратегиями и политикой, Зал Весенних Трав — медициной и ядами, а всё остальное, включая алхимию, создание артефактов, заклинания и магические массивы, относилось к Павильону Эликсиров. Это место казалось сборищем всего подряд, и его часто критиковали, предлагая разделить его на более узкие специализации.

С Ло Ином пришёл и глава Зала Заповедей, старейшина Чэнсяо, женщина средних лет с округлыми формами и добродушным выражением лица. Увидев Нин Гуанъи в таком состоянии, она вздохнула и обратилась к Пэй Вэньюю:

— Ашу, ещё не всё выяснено, нужно разделять личное и служебное.

Она махнула рукой, и стул из угла зала подлетел к ней. Она предложила Нин Гуанъи сесть.

Нин Гуанъи, которого все эти дни встречали лишь холодными взглядами, внезапно почувствовал каплю тепла и покраснел от нахлынувших эмоций.

— Старейшина, он уже всю мою родню до восемнадцатого колена обругал, а я ещё с ним не разобрался, — Пэй Вэньюй усмехнулся, освобождая два кресла для них.

Однако Ло Ин улыбнулся и показал, что предпочитает остаться в коляске.

После прибытия двух глав из Дворца Облачных Небес в зал вошли ещё двое: нынешний глава Резиденции Нин Нин Шэнь и родственница Нин Ишу.

Ло Ин и Цюй Лянь почувствовали ауру Нин Ишу и поняли, что именно она была третьим человеком, который вчера ночью подслушивал разговор Нин Гуанъи и Чжу Вэньнин. Она ушла в суматохе, чтобы первой вернуться в Усадьбу Нефритового Отражения и сообщить Нин Шэню.

Коляска Ло Ина, управляемая духовной силой, бесшумно приблизилась к Нин Гуанъи, который явно попятился, но Нин Ишу сказала:

— Двоюродный брат, ты уже не можешь прятаться. Ты прятался тринадцать лет.

Нин Гуанъи вздрогнул, но слова протеста застряли у него в горле, и он лишь опустил голову,

позволив Ло Ину взять его левую руку и выпустить тонкую струйку духовной силы, чтобы исследовать Кольцо Заповедей.

Нин Ишу оглядела зал, где в основном были люди из Дворца Облачных Небес. Не то чтобы члены клана Нин не интересовались этим делом, но сейчас, когда Нин Гуанъи попал в беду, никто не хотел быть свидетелем, боясь, что он потом отомстит.

Нин Ишу спокойно сказала:

— Позовите Гуанъю.

— Сяоцзе... — слуга замялся.

— Ведь это касается его. Пусть он сам расскажет. Сейчас слова четвёртого двоюродного брата уже никто не верит, пусть придет.

Вскоре появился «Гуанъю». На улице стояла летняя жара, и он вошёл с обильным потом на лице, бледный как бумага. Слуги поспешили усадить его и принесли горячий чай.

Это был пятый сын клана Нин, Нин Гуанъю.

На его руке не было Кольца Заповедей, он был обычным человеком. Более того, его шаги были неуверенными, и он время от времени кашлял, что не выглядело притворством. Он был не только слабым человеком, но и, судя по всему, его здоровье было подорвано, и он едва мог сравниться с обычными людьми.

Цюй Лянь вспомнил слова Нин Гуанъи прошлой ночью. Судя по собранным данным, Нин Гуанъю был сыном проститутки, и поэтому Нин Гуанъи всегда его притеснял. Когда Нин Гуанъи было двенадцать лет, он пытался его убить, но это дело было замолчано.

Вероятно, Кольцо Заповедей Нин Гуанъи было подделано именно из-за этого, иначе он никогда бы не смог избежать проверки Дворца Облачных Небес.

Нин Гуанъю, выпив несколько глотков чая, чтобы успокоиться, покачал головой:

— Все и так знают, зачем вы меня позвали?

Нин Ишу помолчала, затем обратилась к присутствующим:

— Сказать по правде, это действительно стыдно. Я узнала об этом из слухов, и если я что-то скажу не так, Гуанъю, поправь меня. Мой четвёртый двоюродный брат Нин Гуанъи с детства не любил Гуанъю из-за его происхождения. Тринадцать лет назад он столкнул его в ущелье, где тот семь дней и ночей голодал, питаясь лишь росой и корнями, и был ислёван птицами... К счастью, его спас охотник, но к тому времени он уже был истощён...

Она говорила медленнее, чем обычно, и ей действительно было трудно говорить. Она кратко описала многие события, но страдания, которые пережил Нин Гуанъю, невозможно было передать словами. В тот год ему было всего семь лет, но он уже проявлял таланты, которых не было у Нин Гуанъи. Его планировали начать обучать Технике Меча Нефритового Отражения, но его путь к бессмертию оборвался, даже не начавшись.

И Нин Гуанъю не просто потерял силы. За эти тринадцать лет клан Нин изо всех сил старался компенсировать ему страдания, и даже Нин Гуанъи вынужден был заботиться о нем, но он всё

равно выглядел как призрак, и можно представить, в каком состоянии он был, когда его спасли.

Если кто-то в зале мог хотя бы отчасти понять его боль, то это был только Ло Ин, родившийся с физическим недостатком.

<http://bllate.org/book/16248/1461441>